

Пазухин Алексей Михайлович

Шутки пера

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Михайлович П.**
Шутки пера / Пазухин Алексей Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 322 с.

ISBN 978-5-521-27090-3

ISBN 978-5-521-27090-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Ахъ, папочка, поѣдемъ!..

— Ахъ, панаша, поѣдемъ! — въ одинъ голосъ воскликнули дочь и невѣстка.

— Встрепенулись, словно ихъ шиломъ кольнуло, — усмѣхнулся самъ. — Мать, поѣдемъ, что-ли?

— Ну-къ что-жъ, поѣдемъ...

— А ты какъ, Иванъ?

— И я не прочь, надо починъ сдѣлать, — отвѣтилъ сынъ. — А только куда поѣдемъ-то?

— Махнемъ ужъ въ Малый, потому тамъ игра правильнѣе идетъ...

— Въ Малый, папочка, въ Малый! — загозила дочь, точно подъ нее углей наклали. — Тамъ те-перича Ильинскій отличается, Южинъ тамъ и прочіе душки...

Мать поглядѣла на нее.

— Словно-бы при отцѣ да при матери о «душкахъ»-то и не говорятъ, Катерина, — замѣтила она. — Али косу тебѣ давно не расчесывали? Къ Коршу поѣдемъ, Маркель Савичъ, вотъ куда... Въ Маломъ о праздникахъ хорошо представляють, а по буднямъ тамъ монотонное все такое, канителистое, а у Корша и посмѣмся, и знакомыхъ встрѣтимъ... Поди, Селезенковы нонѣ тамъ, Отрыжкины, Пирожниковы...

— А не звѣздануть-ли въ «Фантазію»? — предложилъ самъ. — Занятно!.. Сичасъ это какого-нибудь «Брата дьявола» изобразятъ, съ убійствами это, съ провалами, съ разбойниками, ну, и балетецъ, и все такое а въ антрактѣ чайку можно попить, закусить, пока какое-нибудь ло-

манье идетъ, опять же и на вольномъ воздухѣ, и отъ «Яра» недалече, поужинать можно.

— Отъ «Яра» самое близкое мѣсто Омонъ,— заговорилъ сынъ.— Кислоты этой еще зимой на-смотримся, а ужъ дьяволы-то братья въ зубахъ навязли, ну, а у Омончика разнообразіе.

— Разнообразіе-то разнообразіе, — согласился отецъ, — а только, пожалуй, Катерину братъ туда и не рука: мѣсто словно бы не для дѣ-вицъ.

— Совсѣмъ даже напротивъ, папаша,—возра-зилъ сынъ, — которые изъ образованныхъ, такъ тѣ берутъ и барышень. Дикость-то эту пора оставить, пора и въ нашихъ краяхъ Европу за-водить, опять же настоящее вольнодумство тамъ начинается поздно.

— А ты знаешь ужъ?

— Слыхалъ я... Не всѣ столь непросвѣщенны, что въ десятомъ часу спать ложатся, есть и изъ нашихъ съ понятіемъ. Вонъ у Варенникова сы-новья каждый вечеръ Омона навѣщаютъ и даже членами общества велосипедистовъ состоятъ, а торговлю-то погрязнѣ нашей ведутъ — дегтемъ да скипидаромъ.

— Ладно, успѣешь еще, просвѣтиться и ты. Что-жъ мать, хочешь, что-ли, къ Омону-то?

— Поѣдемъ, ежели не очинно вольно пущено. Нонѣ ужъ и гдѣ-то ни на есть, такъ безъ стѣ-сненія. Вонъ были прошлою зимою у Парадиза, самый, говорятъ, семейный театръ, съ малыми дѣтьми люди сидѣли, положимъ, а ужъ какое

короткоюбкое представленіе — страхъ!.. Вышло этихъ дѣвицъ штукъ двадцать, да и разговоры все про любовь... Время ужъ такое пошло, по времени и кіатры...

— Я полагаю это изъ-за того, что обыватель сталъ скупъ, денегъ у него мало, — замѣтилъ самъ.

— Тоись какъ?

— А такъ. Когда рупъ у обывателя вольнѣе былъ, онъ его и тратилъ легче; что ему ни дай — онъ пойдетъ, заплатитъ деньги, а нонѣ обывателя-то соблазнить надо, силкомъ у него рупъ-то надо вѣтаскивать, особеннымъ чѣмъ-нибудь, ну, вотъ и пошелъ Омонъ свое дѣло омонить, придумываетъ, какъ лучше рупъ у обывателя взять, и всячески старается, потому безъ старанія-то къ нему никто не пойдетъ, задаромъ денегъ не отдастъ, деньги-то стали дороже, меньше ихъ, чѣмъ бывало... Я такъ полагаю...

— А по моему это отъ просвѣщенія все, — сказалъ сынъ. — Европа проникаетъ...

— Почему же это Европа безпримѣнно должна въ коротенькой юбочкѣ быть и съ канканчикомъ?.. Ходила она и допрежъ того, а, однако, вольности такой не было... Въ молодости и мы хаживали на модныя представленія смотрѣть, не столь часто, какъ нонѣ, и тайкомъ, а все-жъ хаживали, и, помнится, что тогда тамъ не омонили, а Европа эта новая тоже вѣдь была, хотя и не въ Замоскворѣчьи, а все же была она, знали ее люди, господъ тогда много было...

— Цивилизаціи той не было, понятія другія существовали, ну, и ограничивались кислотой, монотонностью, а теперича человекъ ищетъ развлеченія, у него культура другая...

— А я думаю, такъ это все изъ-за желѣзныхъ дорогъ, отцы мои, — заговорила приживалка, — изъ-за нихъ все это пошло... Понастроили желѣзныхъ дорогъ и поѣхали по тѣмъ дорогамъ разныя нечисти къ намъ, ну, и пошло умаленіе всякое... Въ старину-то молодыя бабочки да дѣвицы въ концѣ лѣта капустницы ждали и капустница всякій имъ кіятеръ замѣняла, а нонѣ вонъ «сезонтъ» какой-то выдумали, сезона этого ждуть... Сезонтъ!.. Да въ старину за это одно слово-то шкуру бы родители съ дѣвицы спустили, а не токмо что, а нонѣ она забыла, какъ и вѣники пахнутъ...

— Хе, хе, хе! — засмѣялся самъ. — Слышь, какъ старина-то поетъ?.. Прошли, братъ, Васильевна, эти пѣсенки, прошли, нонѣ намъ «сезонтъ» подавай!.. Вели-ка поди, мать, коляску закладывать, да и собираться пора, коли ѣхать надумали...

Чаепитіе было окончено.

Она скучаетъ.

(Великопостная картинка)

Она скучаетъ. Въ утреннемъ туалетѣ, непричесанная, сердитая, капризная, сидитъ она запершись и скучаетъ. Супругъ ходитъ по комнатамъ, стараясь ступать какъ можно осторожнѣе, посматриваетъ на часы, останавливается то передъ однимъ, то передъ другимъ окномъ, напѣваетъ дикимъ голосомъ «la donna e mobile» и по временамъ подходитъ къ запертой двери будуара супруги.

— Сашенька, ты еще не готова, ma chere?— робко спрашиваетъ онъ.

— Убирайтесь! — раздается голосъ изъ-за двери.

— Но мы должны непременно отдать сегодня визитъ Степанидѣ Артемьевнѣ...

— Убирайтесь!

— Ахъ!—вздыхаетъ супругъ.— Можетъ быть, ты нездорова, Сашенька? Я пошлю за докторомъ...

— Убирайтесь!

— Ааахъ!.. «La donna e mobile!..» — Супругъ идетъ въ залу.

— Что такое съ барыней, Маша? — спрашиваетъ онъ у горничной.

— Не знаю-съ. Кажись, ничего особеннаго.

— Здорова-ли она?

— Кажись, здоровы. Выкушали двѣ чашки кофе, двѣ котлеты скушали, полрябчика...

— Гмъ! Голова не горяча? Языкъ не очень бѣлъ?

— Да развѣ онѣ покажутъ мнѣ языкъ?

— Гмъ!.. Не чесалась еще она?

— Нѣтъ-съ.

Изъ будуара раздается звонокъ. На него бѣгутъ горничная и супругъ. Горничную впускаютъ, но супругъ изгоняется. Онъ только и успѣлъ замѣтить, что Сашенька лежитъ на диванѣ совсѣмъ еще не одѣтая и кормить бисквитами болонку. Дальше онъ ничего не видалъ, его изгнали.

— Какая сегодня погода, Маша? — услыхалъ онъ голосъ жены, оставшись у двери.

— Пасмурно и таетъ.

— Ахъ, какая скука!.. Никто не былъ?

— Никого-съ.

— Писемъ, посылокъ, телеграммъ нѣтъ?

— Нѣтъ-съ.

— Такъ ступай же вонъ, гадкая, противная, скучная!.. Стой!.. Принесли отъ портнихи сѣрое платье?

— Принесли.

— Подай мнѣ его... Нѣтъ, не нужно!.. Что дѣлаетъ Петръ Григорычъ?

— Ходятъ по комнатамъ, поютъ.

— Позови его ко мнѣ.

— Я здѣсь, Сашенька!

Супругъ врывается очень обрадованный, что его впустили.

— Что съ тобою, Сашенька? Здорова-ли ты, мой ангелъ?

Сашенька закидываетъ руки на голову, потягивается, зѣваетъ и бросаетъ на мужа разсѣянный скучающій взглядъ. Въ ея темно-синихъ глазахъ утомленіе, скука, апатія. Ея полныя, красныя, какъ кораллъ, губки надуты, черныя брови сердито сдвинуты, чудные бѣлокурые волосы взбиты, запутаны, прядями и локонами упали на лобъ, на маленькія розовыя уши, раскинулись по подушкѣ, запутались въ складкахъ голубого атласнаго пеньюара. Туфля съ одной ножки упала, и ножка эта босая, крохотная, бѣленькая, озябла на бархатѣ дивана, а дура горничная и не догадалась надѣть на нее туфлю или прикрыть сбившимся на полъ одѣяломъ изъ «тигровой шкуры», разумѣется—поддѣльной.

Мужъ прежде всего сдѣлалъ это, поцѣловавъ предварительно ножку.

— Что съ тобою, Сашенька?

— Мнѣ скучно.

— Такъ вотъ одѣвайся и поѣдемъ къ Степанидѣ Артемьевнѣ...

— Не хочу, не хочу, не хочу!

Туфелька опять слетѣла отъ частыхъ ударовъ ножками по дивану.

— Не смѣй надѣваться!.. Не смѣй и одѣяло трогать!.. Такъ лучше: я можетъ быть простужусь, буду больна,—это все-же лучше, это все-же разнообразіе... Я умираю отъ скуки, пойми ты это, глупый, жестокій, противный человѣкъ!

— Но я все дѣлаю, Сашенька, чтобы тебѣ не было скучно! Вчера мы были въ оперѣ, Мазини слушали, третьяго дня смотрѣли мюнхенцевъ, сегодня опять ѣдемъ въ оперу.

— Опять въ оперу! Удивительное утѣшеніе! Я не психопатка, мнѣ твой Мазини надоѣлъ... Мнѣ все надоѣло, все, а всего больше ты!

-- Это черезъ два мѣсяца-то послѣ свадьбы?

— Да, да, да!.. Зачѣмъ ты блондинъ?.. Я блондинка, горничная у меня блондинка, ты блондинъ! Это невозможно!

— Но какъ же быть, мой другъ? Не виновать же я, что родился блондиномъ.

— А я чѣмъ виновата?.. Ахъ, какъ я была глупа, что вышла за тебя замужъ!.. Зачѣмъ я сдѣлала это?

— Сашенька!

— Молчи!.. Всѣ блондины скучны, апатичны, глупы, неизобрѣтательны... и вдругъ я вышла за блондина!

— Но вѣдь...

— Молчи! Развѣ брѣнетъ не придумалъ бы чего-нибудь занимательнаго, веселаго? Непре-

мѣнно придумалъ бы!.. А ты... ты глупъ. Зачѣмъ ты глупъ?

— Но, послушай, Сашенька, это капризы, мой другъ! Право, я все дѣлаю, чтобы тебѣ не было скучно.

— А я вотъ скучаю. Что я буду дѣлать весь день? Я сегодня видѣла во снѣ маскарадъ, видѣла, что я сдѣлала себѣ чудный костюмъ, за который мнѣ дали первую премію, проснулась подъ впечатлѣніемъ этого сна и вдругъ... и вдругъ нѣтъ ни костюма, ни маскарада, ни преміи! Я хотѣла ѣхать смотрѣть Южина — Южина нѣтъ, хотѣла слушать оперетку — оперетки нѣтъ! Это ужасно, это невыносимо, такъ жить нельзя! Я веселѣе жила дѣвочкою, когда я такъ мечтала о замужествѣ. Я готовила уроки, радовалась пятеркамъ и плакала изъ-за двоекъ, волновалась, готовилась на выпускной актъ, потомъ на первый балъ, я жила, а теперь? Теперь эта вѣчная скука и этотъ вѣчный блондинъ съ глупыми усами, съ глупымъ проборомъ, съ глупыми безцвѣтными глазами. Никакой драмы въ жизни, одна тоска, скука!..

Она перевернулась, легла ничкомъ и заплакала.

— Сашенька!

— Не смѣйте меня трогать! Люди живутъ, страдаютъ, борются, а я, я только скучаю!

— Сашенька!

— Убирайтесь вонъ! Маша, Маша!

Вбѣжала горничная.

— Уведи его, Маша, запри дверь! Подай мнѣ

мои капли и воду. Не эти капли, не эти, а тѣ вонъ, красныя! Уйди! Уйди и ты, гадкая, скверная, скучная!

Она закрылась съ головою и продолжала плакать.

— Не послать ли, Маша, за докторомъ, а? — робко и шепоткомъ спросилъ супругъ.

— Какъ угодно, я не знаю-съ.

Горничная бурей вылетѣла изъ комнаты.

— Я бѣ тебя вылѣчила, — ворчала она, разбрасывая у себя принадлежности барынинаго туалета. — Я бѣ тебя исцѣлила, привередницу!.. Закатить-бы тебѣ горячихъ полсотни, такъ стала бы ты шелковая!.. На дурака напала, на рохлю, на пентюха длинноухаго!..

А «длинноухій пентюхъ» безпокойно ходилъ по комнатамъ и придумывалъ средства, чтобы прогнать скуку своей Сашеньки.
